

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть III.

Возрождение кровавой мести (окончание).

Революція и старый порядокъ	3
Мотивъ мести въ художественной литературѣ	3—11
Аграрныя волненія	11—17
Революціонный терроръ	17—36
Черносотенные погромы	36—71
Терроръ правительственный (смертныя казни по суду и безъ суда)	71—
Эпидемія кровопролитій	—
Гдѣ выходъ?	133—145

Приложенія.

I. Манифесты Пугачева	3
II. Кровавая расправа пугачевцевъ	4
III. Молодая Россія (Прокламація 1862 г.)	5
IV. „Народная расправа“. Прокламація Нечаева	7
V. Двѣ прокламаціи 80-хъ г.г. XIX в.	9
VI. Прокламація соц.-рев. начала XX в.	—
VII. Изъ „Земли и Воли“	10
VIII. Изъ „Листка Земли и Воли“	—
IX. Изъ стихотворенія „У гроба“	11
X. Показаніе Гольденберга	—
XI. „Любатовичъ“	11
XII. „Бараникова“	—
XIII. „Ширяева“	13
XIV. „Михайлова“	—
XV. „Балмашова“	14
XVI. „Сазонова“	—
XVII. „Спиридоновой“	15
XVIII. Воззваніе народнаго союза	16
XIX. „къ смольнянамъ“	—
XX. „къ вѣрноподающимъ“	17
XXI. „рижское“	18
XXII. „бердичевское“	—
XXIII. „западно-русское“	19
XXIV. Посланіе къ русскимъ крестьянамъ Яремы	—
XXV. Воззваніе кременчугское	20
XXVI. „харьковское“	—
XXVII. „никотаевское“	21
XXVIII. „елисаветградское“	22

XXXIX. Орловскій „ключъ“	—
XXX. „Возпавіе къ товарищамъ“	23
XXXI. Изъ воззванія д. с. с. Лаврова	25
XXXII. Московское воззваніе	—
XXXIII. Воззваніе „Московскихъ Вѣдомостей“	26
XXXIV. Хроника черносотенной агитаціи въ 1905 г. передъ октябрьскими погромами	—
XXXV. Сожженіе еврейской синагоги въ Саратовѣ	30
XXXVI. Разгромъ еврейскаго училища въ Кіевѣ	31
XXXVII. Казанскіе и тверскіе погромщики .	32
XXXVIII. Голосъ потерпѣвшихъ о погромахъ	33
XXXIX. Воззваніе градоначальника къ населенію и отавъ сенатора объ этомъ воззваніи .	34
XL. Докладъ министру внутр. дѣлъ о погромной агитаціи.	37
XLI. Письмо А. А. Лопухина къ П. А. Столыпину	41
XLII. Къ дѣлу о сожженіи зданія Тверской Губернской Земской Управы	48
XLIII. Открытое письмо предсѣдателю Совѣта Министровъ	50
XLIV. Открытое письмо Калужскому Губернатору А. А. Офросимову .	54
XLV. Благодарность жандармскому офицеру .	57
XLVI. Городъ, гдѣ не было погрома	—
XLVІ. Резолюціи по поводу погромовъ .	58
XLVIII. Премьеръ-министръ С. Ю. Витте о смертной казни	59
XLIX. Союзъ русскаго народа о смертной казни	60
I. Духовенство о смертныхъ казняхъ	61
II. Рѣчь священника Тихвинскаго по поводу отмѣны военно-полевыхъ судовъ	63
III. Письмо приговореннаго къ смерти	65
IV. Предсмертныя муки .	67
V. Судебная ошибка	68
VI. Заявленіе о запросѣ по поводу замѣны главнымъ военнымъ судомъ приговора военно-окружнаго суда	69
VII. Запросъ по дѣлу объ отмѣнѣ приговора военно-полевого суда .	70
VIII. Разстрѣлы безъ суда	71
IX. Извѣщеніе генераль-губернатора и начальника петербургскаго гарнизона	72
X. Изъ рѣчи генерала Н.	—
XI. Объявленіе завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ .	74
XII. Инструкція карательной экспедиціи	—
XIII. „ начальникамъ карательныхъ отрядовъ	76
XIV. Рѣчь начальника карательнаго отряда	77
XV. Приказъ генерала О.	78
XVI. „ командующаго войсками округа генерала К. .	—
XVII. Заявленіе офицера	—
XVIII. Объявленіе генерала Р.	79
XIX. Рѣчь губернатора къ стражникамъ	—
XX. Воззваніе херсонскаго генераль-губернатора	—
XXI. Объявленіе екатеринославскаго генераль-губернатора . .	—
XXII. Рѣчь генерала К.	—
XXIII. Секретный циркуляръ военнаго министра .	—

III

LXXIII. Циркуляръ министра вн. д. Д. .	82
LXXIV. Памятная записка ген. Ш.	—
LXXV. Приказъ по кавказскому военному округу	—
LXXVI. „ генерала В.	83
LXXVII. „ генерала священнику	84
LXXVIII. Рѣчь генерала къ молодымъ солдатамъ	—
LXXIX. Приказы по охранному отряду	85
LXXX. Объявленіе Начальника веденскаго округа .	—
LXXXI. Приказъ градоначальника по полиціи	—
LXXXII. „ по желѣзнодорожной жандармской полиціи .	86
LXXXIII. „ исправника.	—
LXXXIV. Предостереженія	87
LXXXV. Приказъ одесскаго генералъ-губернатора ген. Т.	—
LXXXVI. Письмо офицеровъ	88
LXXXVII. Постановленіе офицеровъ	—
LXXXVIII. Приказъ командующаго дивизіей	89
LXXXIX. „ командира полка.	90
XC. „ прибалтійскаго ген.-губернатора .	91
XCI. Убійства	92
XCI. Самосуды	99
XСII. Современныя игры дѣтей .	104
XСIV. Стрѣльба по живой цѣли	105
XCV. Дуэли.	—
XCVI. Самоубійства	106
XCVII. Крoваяя статистика	109

Дополненія *).

Къ LIII. Предсмертныя муки .	12
Къ LIV. Судебная ошибка .	125
Къ XCI. Убійства	128
Къ XСII. Современныя игры дѣтей	134
ХСII ¹ . Современныя игры взрослыхъ	135
Къ XCVI. Самоубійства	136
Къ XCVII. Крoваяя статистика	144
ХСVIII. Проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни, принятый 1 Гос. Думой.	152
ХСIX. Проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни, внесенный въ 3 Госуд. Думу.	154
С. Протестъ противъ смертной казни	155

*) Приложенія напечатаны въ ноябрѣ 1908 г.; дополненія—въ мартѣ 1909 .

Часть III.

Возрожденіе кровавой мести.

(Окончаніе).

Революція и старый порядокъ.

Самодержавно-бюрократическій и крѣпостнический порядокъ, процессъ образованія котораго относится къ московской эпохѣ, и окончательное установленіе къ началу XVIII-вѣка, господствуетъ въ теченіе двухъ столѣтій—XVIII и XIX. Къ концу XIX и къ началу XX в.в. онъ уже становится старымъ порядкомъ, отжившимъ, одряхлѣвшимъ. Онъ долженъ былъ сойти съ исторической сцены и уступить мѣсто новому порядку. Но это не было сдѣлано своевременно. Ликвидация стараго порядка и замѣна его новымъ сопровождается революціей. Революція начала XX вѣка есть позднѣйшій въ русской исторіи моментъ возрожденія кровавой мести. Наступленіе такого момента было неизбежно, ибо оно подготовлено было условіями русской жизни.

Мотивъ мести въ художественной литературѣ.

Жизнь, какъ въ зеркалѣ, отражается въ литературѣ. Въ какомъ же видѣ изображается въ художественной литературѣ русская жизнь при господствѣ самодержавно-бюрократическаго и крѣпостническаго режима?

Знаменитый писатель конца XVIII в., піонеръ освободительнаго движенія, Радищевъ взглянулъ вокругъ себя на русскую жизнь и ужаснулся; его душа „человѣческими страданіями уязвлена стала“; онъ увидѣлъ „чудище обло, озорно, стоглаво и лаяй“.

Блестящая плеяда писателей XIX вѣка (Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, Щедринъ, Толстой, Короленко...) рисуютъ образъ, свойства и качества „этого чудища“. Они рисуютъ родную страну, гдѣ „другъ человѣчества печально замѣчаетъ вездѣ невѣжества губительный позоръ“, страну мракобѣсія, мертвыхъ душъ, обломовщины... Здѣсь „блаженствуютъ Молчалины“ да Чичиковы; здѣсь

безгранично властвуютъ всеильные „помпадуры“ съ „ташкентцами“, Сквозники-Дмухановскіе съ Держимордами; здѣсь благоденствуютъ Троекуровы, Собакевичи, Коробочки, Титы Титычи, Деруновы, Колупаевы и Разуваевы... Здѣсь масса населенія—это „бѣдные люди“, „униженные и оскорбленные“; жалкіе Акакіи Акакіевичи; забытые и придавленные „пошехонцы“; безправные и безгласные „глуповцы“; несчастные Антоны-Горемыки да Макары, находящіеся во „власти тѣмь“, испытывающіе вѣчно нищету, голодъ и холодъ, живущіе „безъ понятій о правѣ, о Богѣ“... А мыслящіе русскіе люди (Онѣгины, Чацкіе, Печорины, Рудины и др.) не находятъ себѣ мѣста, становятся „несчастливыми скитальцами“ въ родной землѣ, испытываютъ „милліонъ терзаній“, тоскуютъ по неудавшейся жизни, дѣлаются лишними людьми, безвольными, безсильными, бездѣтельными, разсуждающими „байбаками“, отечественными Гамлетами...

Къ концу XIX и къ началу XX вв., когда существующій порядокъ сдѣлался старымъ, когда онъ совершенно одряхлѣлъ, характеризующія его черты выступили въ уродливыхъ, отвратительныхъ формахъ. Чеховъ нарисовалъ полную и правдивую картину этого порядка въ періодъ его старости и дряхлости. Онъ изображаетъ жизнь—пошлую, грязную, бессмысленную; только хищники да самодовольные пошляки или люди въ футлярѣ мирятся съ ней. Люди съ искрой божьей примириться съ ней не могутъ. Они испытываютъ мучительную боль, стыдъ, страхъ и въ отчаяніи восклицаютъ: „такъ больше жить нельзя“. Они мечтаютъ объ иной жизни—высокой, святой, прекрасной, изящной, которая наступитъ черезъ сто, двѣсти, триста лѣтъ...

Герои Чехова сознаютъ ужасъ настоящаго, безобидно протестуютъ противъ него и мечтаютъ о лучшемъ будущемъ. Герои другого писателя конца XIX и начала XX вв. М. Горькаго протестуютъ рѣшительнѣе: они стремятся разрушить настоящее, отомстить тѣмъ, которые являются господами положенія въ настоящемъ, и такимъ образомъ подготовить почву для лучшаго будущаго.

Горькій изображаетъ босяковъ, бывшихъ людей. Эти люди чувствуютъ всю тяжесть тѣхъ путъ, оковъ, какія наложила на нихъ жизнь. Вслѣдствіе этого они злы, мстительны. Изъ чувства злобы и мести они готовы все разрушить, всѣмъ сдѣлать зло.

Такія чувства свойственны не однимъ только босякамъ и бывшимъ людямъ, попавшимъ на самое „дно“ жизни. Въ большей или меньшей степени они свойственны вообще людямъ, обиженнымъ судьбой. Они понятны и нѣкоторымъ баловнямъ судьбы, нѣкоторымъ „дѣтямъ солнца“.

„А иной разъ, говоритъ Мальва, такъ бы каждого человѣка завертѣла, да и пустила волчкомъ вокругъ себя... Избила бы весь народъ. И потомъ бы себя страшною смертию“ (Мальва).

Бывшему сапожнику Орлову „хочется отличиться на чемънибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще чтонибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... и потомъ внизъ тормашками и... и въ дребезги!“ (Супруги Орловы).

„Мнѣ, говоритъ Аристидъ Кувалда, было бы пріятно, если бы земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы въ дребезги. Лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ“ (Бывшіе люди).

Еврей Хаимъ „жилъ среди людей, обиженныхъ судьбой, а для нихъ всегда пріятно обидѣть ближняго, и они умѣютъ дѣлать это, ибо пока только такъ они умѣютъ мстить за себя“ (Каинъ и Артемъ).

Сатинъ несогласенъ съ мнѣніями Луки, что не нужно обижать человѣка. Напротивъ, за обиды нужно мстить, обидѣ нельзя прощать. „Не обижай человѣка!... А если меня однажды обидѣли и на всю жизнь сразу! какъ быть? Простить? Ничего. Никому“... (На днѣ).

Тетеревъ въ „Мѣщанахъ“ развиваетъ такую же теорію мести: „За зло всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближняго за зло его вамъ. Если онъ, когда вы просили хлѣба, далъ камень вамъ, опрокиньте гору на голову его“. На замѣчаніе Елены: „однако, вы... должно быть, много потерпѣли отъ людей...“, Тетеревъ отвѣчаетъ: „но это дало мнѣ веселую надежду, что и они со временемъ потерпятъ отъ меня... или, вѣрнѣе,—за меня“.

Илья Луневъ (Трое)—злой. Онъ такъ объясняетъ свою злость: „А съ чего бы это мнѣ быть доброму? И съ какой радости буду я ласковый? Кто мнѣ добро дѣлалъ? Кто меня по головкѣ гладилъ?... Насъ всякъ будетъ бить, а мы должны смиренными быть? Нѣтъ, покорно благодарю“.

Фома Гордѣевъ напоминаетъ о возмездіи купцамъ, которые считаютъ себя первыми людьми, строителями жизни. „Что вы сдѣлали? Не жизнь вы сдѣлали—тюрьму... Не порядокъ вы устроили—цѣпи на человѣка выковали... Душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ.. Погибаетъ человѣкъ.. Чужой силой живете.. чужими руками работаете! за все это заплатите вы... И... погодите! Задохнетесь...“ (Фома Гордѣевъ).

Въ пьесѣ „Дѣти Солнца“ Горькій выводитъ баловней жизни, людей, пользующихся всѣми благами современной культуры, людей науки и искусства. „Мы дѣти солнца“, говорятъ они о себѣ. Но дѣтей солнца немного. Рядомъ съ ними громадная масса обиженныхъ жизнью людей. Какъ же эта масса несчастныхъ относится къ счастливымъ дѣтямъ солнца?

На этотъ вопросъ авторъ даетъ отвѣтъ словами Лизы, которая олицетворяетъ совѣсть дѣтей солнца. „Вы всѣ слѣпые“, говоритъ она имъ, „откройте глаза; то, чѣмъ живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они,— какъ цвѣты въ лѣсу, полномъ сумрака и гніенія... полномъ ужаса... Васъ мало, вы незамѣтны на землѣ... На землѣ замѣтны миллионы, а не сотни... и среди миллионовъ растетъ ненависть“. „Зачѣмъ вы обманываете сами себя и другихъ? Вы оставили людей далеко сзади себя, вы одинокіе, несчастные, маленькіе... неужели вамъ не понятенъ ужасъ этой жизни?... Вѣдь вы окружены врагами... повсюду звѣри!... Нужно уничтожить жестокость... побѣдить ненависть“...

Но дѣти солнца не думаютъ о томъ, чтобы уничтожить жестокость, чтобы побѣдить ненависть. А миллионы имѣютъ право ненавидѣть счастливыхъ дѣтей солнца „за отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни“.

Достаточно ничтожнаго повода, чтобы ненависть несчастныхъ обрушилась на счастливыхъ, чтобы несчастные отомстили за свое несчастіе. Въ городѣ появилась холера. Невѣжественный народъ винить врачей. Вспыхиваетъ бунтъ. Докторъ спасается въ домъ одного изъ дѣтей солнца ученаго Протасова. Одинъ изъ несчастныхъ—слесарь Егорка начинаетъ душить Протасова...

Лизѣ „Дѣтей Солнца“ соответствуетъ Надя въ пьесѣ „Враги“. Подобно Лизѣ, она объясняетъ убійство рабочимъ директора фабрики, какъ результатъ той злобы, которая неминуемо существуетъ между социальными врагами. Надя, обращаясь къ убійцѣ, говоритъ: „развѣ это вы убили? это они всѣхъ убиваютъ, всю жизнь